

Любовь к родному пепелищу

Новая книга рассказов Александра Грязева «Грех игумена» (Северо-Западное кн. изд., 1990 г.) написана в духе времени, в духе поисков новых подходов к прошлому и решительного неприятия замшелых стереотипов, окаменевших вульгарно-политизированных оценок, наделавших немало вреда, карикатурно искажив многие крупные исторические фигуры.

Рассказы воскрешают в основном допетровскую Русь — эпоху, скудно отраженную в художественной литературе, скудно и противоречиво: все еще господствуют представления о ней, как о «сермяжно-лапотном», «согно ленивом» царстве Берендея... Между тем именно туда, в русское средневековье, уходят ищательные корни могучего древа русской государственности, когда русичи через тернии противоречий, преодолевая удальную амбициозность и местные интересы, сплачивались в единую социально-политическую и духовно-правственную общину под названием РОССИЯ. Сплачивались навеки, навсегда...

Конечно же, не история сама по себе, а люди в истории, целиные, могучие характеры находятся в центре внимания рассказчика. Первое достоинство книги я вижу в том, что автор повествует о предтечах с чувством высокой благородной гордости за их славные дела, но без кичливости и национального чванства. Это чрезвычайно важно сегодня, когда разгулялись по свету оскорбительные лживые мифы о России — «тюрьме народов», стране «исконного идиотизма и красного патриотизма, черносотенства и антисемитизма», о русском человеке с «рабской, татаро-азиатской душой» и пр. Со сладострастной яростью мажут грязью дореволюционную «рабскую жизнь» вишлицы-ниспровергатели, уверяющие невоскушенных людей, будто

никакой многовековой истории, высокой культуры Россия вовсе не имела.

На сей счет поучительные для потомков слова произносит главный герой повести «Отческии пепаты» поэт Батюшков: «Русский народ никогда не имел и не имеет ненависти к другим нациям, кто бы это ни был. Он делает только одного: чтоб ему не мешали жить... Чужеземцы всегда говорят о гениях своей нации, будто у нас их и нет вовсе. А мы беззачинчаем, в рот им глядим. Видеть это протвено...».

Автор глубоко проникся обращением Гоголя: «Писатель земли русской! Прежде чем братья за перо, воспитай в себе гражданина. Иначе все будет невпопад».

«Все невпопад» пыле у русофобов, нещадно шельмующих и бессовестно дискредитирующих патриотизм, цинично называющих его «биологическим чувством, которое есть и у кошки» (Б. Окуджавы), «свойством негодяя» (Ю. Черныченко). А. Стреляный видит в нем «фаннизм, это самое грозное оружие патриотизма, его ядерную бомбу»...

На карту поставлены честь, достоинство, жизнь и судьба России. Вот почему каждое слово в ее защиту в эпоху смуты и разврата ценится на вес золота.

Под флагом демократизации, нового мышления, плюрализма целый косяк «неомыслителей» развили оголтелую кампанию в направле-

нии космополитизма и агрессивной русофобии. Ставка делается (и не безуспешно) на международную поддержку разного толка реакционных сил, объединенных остревенелой ненавистью к России, ее культуре, истории. Бесконечно муссируется тема о якобы «первородной» русской «ксенофобии» (ненависть к иностранцам), на весь мир распространяется клевета на наиболее патристически настроенных советских писателей, критиков, публицистов. С порога безоговорочно отмахиваются какие бы то ни было попытки объективно рассмотреть материалистическое социально-классовое понимание общества и человека, поднимается на щит авангардизм, массовая «культура», якобы выросшая на народных традициях и представляющая собой современное «народное творчество».

Столетиями по крохам собиралась великая Россия, а растащить ее по частям, запродавать иноземцам отом и в розницу — ума много не надо. Ум нужен ее сохранить. Вот почему до боли тревожно, очень своевременно звучит в главном рассказе книги «Грех игумена» извечный — еще со времен «Слова о полку Игореве» — мотив собирания Руси под единые стяги, вложенный в уста Великого князя Московского Василия Темного — страстоверца, мученика, законного наследника Великого Стола:

«Не за себя прошу, отче, не ради корысти, ради святой Руси, ради единения ее под началом Москвы...».

Все понимал и все знал старый игумен. Поганые сыродпы татары, как бешеные волки, все еще терзают русскую землю. Плетет свои козни литовский Казимир-князь, заигрывая с Новгородом и Псковом. Вот уже двадцать лет полыхает на Руси кровавая усобица, затеянная еще отцом Дмитрия Шемяки князем Юрием. Кто выведет Русь из удельного раздора? Кто освободит ее от ига татарского? Сколько лет будет литься кровь на земле русской?

О каком времени повествует художник?... Уж больно знакомые белы и горести перечисляет! Без труда, с глубокой скорбью воспринимаем мы прозрачные реминисценции, отчетливо проецирующие драмы и трагедии истории на современность, столь изобилующую опасными международными раздорами, амбициями, кровавыми стычками... Писатель возвращает наню память к поучительным урокам прошлого, к тому, без чего жить нельзя на белом свете. — Исторической ПАМЯТИ. Воистину, как говорил Беллинский, не зная прошлого, нельзя понять настоящее и невозможно предвидеть будущее. мудро заметил Валентин Распутин: «Сколько в человеке ПАМЯТИ, столько в нем и ЧЕЛОВЕКА».

Появление сборника исторической новеллистики «Грех игумена» — неординарное явление в нашей прозе. Является оно осязатим этическое мышление автора, тяготеющего к широкомасштабным романным полотнам. Читатель вправе ожидать от него новых книг, отражающих подлинную историю Отечества.

Владимир ЮДИН,
доцент Тверского университета,
кандидат филологических наук.